
ИСТОРИЯ НАУКИ

А.Д.Столяр

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ГЛАВА ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

A.D. Stolyar. A Concealed Chapter of the History of the Soviet Archaeology.

The article is devoted to the famous Soviet archaeologist M.I. Artamonov. The author discusses a complicated administrative and scientific situation, which occurred in the Institute for the History of Material Culture (Leningrad) in the late 30-s. The main essence of the situation was a conflict between the research staff of the Institute and its head academician I.A. Orbeli. A role of M.I. Artamonov as a gifted academic leader and scholar is shown both in these events and in his activities as the head of the Institute after I.A. Orbeli.

Окидывая общим взглядом освещение развития всей отечественной археологии с предвоенных лет, приходится отметить обычно не замечаемую зияющую лауну в ее летописи, а именно потаенную главу, связанную с историей создания ИИМКа АН СССР в 1937-39 гг.

В определении «потаенная глава» нет ни капли преувеличения. Чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать те считанные издания, которые посвящены истории советской археологии.

Хронологически первой явились «Очерки истории советской археологии» (Киев, 1982) В.Ф.Генинга. Такое многообещающее название на обложке уточняется мелким шрифтом на титульном листе («У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии, 20-ые — первая половина 30-х годов»)¹. Такой же прием «сокращения» применен в книге А.Д. Пряхина (Воронеж, 1986). Обложка обещает читателю «Историю советской археологии» в целом, а титул сразу же сокращает этот диапазон («1917-середина 30-х гг.»). Аналогична и программа читавшегося им спецкурса². Особой чертой работ названных авторов было полное игнорирование архивных источников по их теме. Немало фактических неточностей допущено в них; особенно много их в книге В.Ф.Генинга, где они порой свидетельствуют

о незнании элементарных фактов.

Иной характер носит книга Г.С. Лебедева (СПб., 1992). Переплет книги обещает «Историю отечественной археологии», а титул начинает эту историю в 1700 году, а заканчивает в 1917 году. Заключительная глава в книге — «скороговорка» (с.421-451, посвященные периоду с 1919 по 1991 год) интересующего нас акта не касается ни единым словом.

То же самое относится и к «Феномену советской археологии» (СПб., 1993) Л.С. Клейна, хотя вся «археологическая Одиссея» 1937-39 гг. в условиях того времени была чем-то исключительным, особенно сказавшимся на дальнейшем пути этой науки.

Наконец, прояснения следовало ожидать от вышедшей в 1997 г. (СПб) брошюры В.М.Массона «Институт истории материальной культуры (краткая история учреждения, научные достижения)». В лаконизме повествования по теме основания Института бывший его многолетний директор достиг действительно какого-то предела. Вся история Института уложилась в одной фразе: «В 1937 г. ГАИМК была ликвидирована как самостоятельная организация и преобразована в Институт истории материальной культуры в составе АН СССР» (ук. соч., с.4). Дополнительным сообщением (с. 6), что «... М.И. Артамонов, ставший с 1939 г. директором ИИМК, уделял большое внимание изданию археологических материалов», якобы полностью исчерпывается начальная летопись ИИМКа.

Что же — эволюция отечественной археологии СССР действительно завершилось так элементарно механически в середине 30-х годов? Основательнее, конечно, предполагать, что замалчивание конкретных фактов этого значительного преобразования археологического центра СССР было следствием некоего властного табу, далеко не единственного в духовной истории нашей страны того периода.

¹ Оценки, выставленные археологом В.Ф. Генингом в названной книге, поверхностны. В именном указателе, наряду с относительно развернутыми справками (главным образом, о столичных и киевских археологах), всей деятельности М.И. Артамонова уделена одна невыразительная фраза: «Артамонов Михаил Илларионович (1898-1972) — археолог, доктор исторических наук». В таком представлении Генинг лишил выдающегося деятеля археологии даже звания профессора, полученного М.И. Артамоновым в 1934 году.

² Пряхин А.Д. Первый период развития советской археологии (1917- середина 30-ых гг.). Воронеж, 1983.

Всеобщее молчание несколько лет тому назад нарушил только А.А. Формозов³. Подчеркивая положительность преобразования ГАИМК в ИИМК АН СССР, он кратко повествует о сопутствовавшем этому событиям конфликте первого директора И.А.Орбели с коллективом и произвольном увольнении многих достойных археологов. В ответ на это «... сотрудники взбунтовались и выдвинули своего лидера — М.И.Артамонова», который до войны «...успел сделать очень много полезного для налаживания научной работы как в ИИМКе, так и за его пределами». ³ Ясно, что в полной мере представляя необычность и важность происшедшей смены руководителей ИИМКа, большей информацией (и тем более конкретными источниками) А.А.Формозов не располагал.

Примерно то же мне довелось услышать от свидетельницы этих событий, старейшей сотрудницы ГАИМКа, а затем ИИМКа, которая знала меня со времени Оленеостровской экспедиции 1937 года. Более 50 лет тому назад во время работ Волго-Донской экспедиции (1949-1951 гг.) однажды вечером, уйдя в себя давними воспоминаниями, в разговоре об ИИМКе, она проронила. «И в Институте было такое! Вы себе представить не сможете! Орбели уволил самых замечательных ученых и тогда было наше настоящее восстановление!». И никакого продолжения рассказа, словно и без того она позволила себе слишком смело коснуться запретной темы.

Сейчас уже нет ни одного живого участника акции в ИИМКе 1937-39 гг. И мы были бы ограничены приведенными намеками на события большой остроты, если бы бумаги «горели». К счастью, они горят не всегда. Это относится и к данному случаю. С великим удивлением и радостью я обнаружил в архиве современного ИИМКа (фонды 30, 312 и др.), а затем и в Петербургском филиале Архива РАН множество документов, передающих драматургию рождения Института в условиях мучительной борьбы формально-административного начала с действительными интересами науки. По листам регистрации каждого дела выясняется, что я явился первым читателем этих бумаг, как-то запечатлевших в себе всю атмосферу, эмоциональную напряженность и психологические черты отдельных личностей, само сражение во всей его непримиримой непосредственности.

«Открытие» этого, без всяких преувеличений, документального сокровища пришлось очень ко времени. В виду имелась подготовка к столетнему юбилею со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова (5 декабря 1998 г.) — главной фигуры в борьбе за судьбу Института и его творческое развитие.

М.И. Артамонов был действительно личностью и преданным науке ученым. Поэтому он

органически отвергал любые проявления популизма. Являясь реальным основателем ИИМКа и вдохновителем его очень плодотворной работы в предвоенные годы, он сам об этом, как и о многом другом, также значительном в его жизни, никогда не рассказывал. Задавать же вопросы такого личного порядка вообще не было принято. А уже эта заслуга сама по себе достоянием для того, чтобы его имя не затерялось в избирательной историографии гуманитарного знания.

* * *

Более 15 лет на археологическом поле страны незыблемым бастионом высилась ГАИМК, царски расположившаяся в Мраморном дворце Ринальди, до этого принадлежавшем великому князю Константину Константиновичу — последнему президенту Петербургской Академии Наук. Все бытие этого центра определялось страстной энергией Н.Я. Марра, его гипотетическими инициативами, которые ближайшим окружением сразу же объявлялись торжеством революционной науки над бессилием мысли классового общества.

Смерть Н.Я. Марра в 1934 г., совпавшая с новой партийно-правительственной установкой в области исторического знания (см. ниже), привела к некоторой активизации конкретно-археологических исследований во всей деятельности ГАИМК⁴, утратившей к этому времени в результате стихийного расширения тематики структурную определенность. Спустя два года на Академию обрушился смертоносный вал репрессий. В 1936 г. был арестован и расстрелян последний председатель ГАИМКа Ф.В. Кипарисов, вскоре та же судьба постигла С.Н. Быковско и А.Г. Пригожина, арестован был и.о. председателя О.О. Крюгер и на короткое время этот пост занял византист М.В. Левченко. Нетрудно представить себе атмосферу мрачного ожидания в Мраморном дворце в белые ночи 1937 года.

Помимо паралича из-за разгрома руководства, продиктованного размахом задуманных репрессий, время предопределило идейное крушение ГАИМК. Ее опорные установки (механическая трактовка стадильности в сплетении с «новым учением» о языке, схематизирующая социология, гипертрофированный автохтонизм и др.), подаваемые в виде революционной теории, выпали из обоймы насущной идеологической актуальности и даже оказались ее антиподами. Социо-политическая действительность мира привела руководство страны к выводу об особой роли изучения отечественной истории как важнейшего элемента патриотического воспитания. Такая высочайшая директива содержится в Постановлении Совнаркома СССР и ЦК

³ Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995, с. 67-70.

⁴ Там же, с. 59,64.

ВКП(б) « О преподавании гражданской истории в школе» (15 мая 1934 года), осуждавшем вульгарно-социологическое освещение прошлого СССР.

Длительная агония ГАИМК завершилась летом 1937 г. ее ликвидацией и заменой вновь создаваемым институтом в системе АН СССР. Директором этого учреждения, которое первоначально именовалось Институтом археологии, на общем собрании Академии Наук 29 июня 1937 г. был избран академик И.А. Орбели. Новообразование, вскоре переименованное в Институт истории материальной культуры с сохранением имени Н.Я.Марра, мыслилось как археологический центр, освобожденный от занятий побочными дисциплинами. Постановлением Президиума АН СССР от 5 октября 1937 года перед ИИМКом была поставлена основная задача — исследование истории СССР по археологическим данным с привлечением всех видов других источников, начиная с древнейших времен и кончая периодом средних веков.

27 октября 1937 г. Президиум АН СССР назначил врио зам. директора ИИМКа по научной работе кандидата исторических наук, беспартийного М.И.Артамонова, пользовавшегося в коллективе большим авторитетом, заслуженным многолетней работой и сотрудничеством. Одновременно он был утвержден зав.Сектором дофеодалной Европы.

Порог ГАИМК М.И. Артамонов переступил в студенческие годы. В 1923 г. он по поручению Н.Я. Марра изучал в родной Тверской губернии архаичное гончарное производство. С 1924 г. он участвовал в постоянной Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК под руководством А.А. Миллера. По окончании Университета, параллельно с подъемом М.И. Артамонова по «истфаковской» лестнице, все более ширилась и углублялась его работа в ГАИМК (научный регистратор — 1925-1926 гг.; аспирант — 1926-1929 гг.; научный сотрудник первого разряда — с ноября 1929 г.; самостоятельные экспедиции в Подонье — 1929, 1934-36 гг.; и.о. действительного члена Института истории феодализма ГАИМК — февраль 1934 г.; утвержден ВАКом в этой должности одновременно с присуждением без защиты ученой степени кандидата исторических наук — декабрь 1935 г.).

Выбор М.И.Артамонова в дальнейшем оказался судьбоносным для Института благодаря его выдающимся личным качествам — мужеству и прямоте, объективности, таланту организатора и исследователя широкого профиля, отвергавшего амбициозность в науке и всегда приветствовавшего подлинное исследовательское содружество.

Иначе, чисто номенклатурно, с ориентировкой на громкое имя, был определен директором ИИМК И.А. Орбели, избранный академиком в 1935 г., уже после смерти Н.Я. Марра. Этот административный ход никак не учитывал реаль-

ность, многие очевидные противопоказания, а поэтому изначально таил в себе неизбежность перманентного кризиса, а то и полного развала работы нового звена большой академической семьи.

И.А. Орбели был ближайшим сподвижником Н.Я. Марра в его многолетних предреволюционных раскопках (Ани) и его археологические интересы в основном определялись средневековыми и частично античными (Гарни) памятниками Закавказья. Он активно участвовал в создании РАИМК, будучи с основания (1919 г.) ее действительным членом, да еще, к тому же, ученым секретарем с конца 1919 г. После 1922 г. Орбели и Марр существенно разошлись. Основной причиной к тому явилось, делающее честь Орбели, открытое неприятие «нового учения» о языке и обвинение «угождателей» (термин Орбели) Н.Я. Марра в научной нечистоплотности. В 1931 г. Орбели окончательно расстался с ГАИМК, отдавшись со всей своей страстью работе в Эрмитаже и, по существу, прекратив собственную исследовательскую деятельность. С 1934 г. он директор музея, существовавшего в нелегких условиях. Кроме этого, он, в то же время, оказывается Председателем Президиума Армянского филиала Академии Наук. Он же, став подобием «всесоюзного тамады», последовательно руководит фестивалями, посвященными Пушкинскому юбилею (1937 г.), 750-летию Шота Руставели (начало 1938 г.), 1000-летию эпоса «Давид Сасунский», оказывается в постоянной занятости множеством других дел. Для руководства Институтом у него физически не было уже никакого ресурса времени, тем более, что сама наука никак не увлекла его.

Особенно же отягощал всю институтскую атмосферу эмоционально гнетущий груз прошлого — рефлексия ГАИМКовского общения с И.А. Орбели, нередко находившегося во власти стихийных страстей. Очень памяты были острые и опасные инициированные И.А. Орбели конфликты (например, «дело А.С. Жебелева» в 1928 г.). По поводу некоторых из них (в том числе, названного выше) у него самого потом возникло сожаление, но для Орбели такое прозрение никак не оказывалось предупреждающим уроком на будущее.

Наглядным свидетельством тому служит начало его «правления» в Институте, иллюстрируемое хотя бы одним приказом (№ 83 от 3 ноября 1937 года). Целью этого действия, вероятно, была демонстрация силы директора и его императивной решительности. Этим приказом были уволены с работы с того же предпраздничного числа А.Н. Карасев, Н.Н. Воронин, Н.И. Репников, Е.Ю. Кричевский, С.И. Капошина и В.Ф. Гайдукевич «за невозможностью использования в дальнейшем на работе в Институте» (?!). Очевидная произвольность этих действий заставила И.А. Орбели, оттянувшего не-

сколько месяцев, затем в 1938 г. втихую поодиночке восстановить всех изгнанных им из Института.

Дополнительные трудности становления ИИМК АН СССР создавались переездом из обширных покоев Мраморного дворца в совершенно недостаточное, скромное западное крыло здания ЛАХУ АН СССР (Университетская наб., д.5, арх. Д. Кваренги), неясностью и постоянными изменениями структуры (начиная с 10 секторов и завершая 5 секторами). В этих условиях безразличие Орбели проявилось с чрезвычайной отчетливостью. После произнесения вступительной «тронной речи», он в институте бывал в течение считанного числа раз, не общаясь с коллективом, не имея определенных дней и часов приема, игнорируя заседания ученого Совета и тех комитетов, во главе которых он числился.

Судьба института складывалась трагично и он был обречен на многолетнее блуждание в тумане случайных исканий, если бы к этому времени в недрах самого коллектива не созрел бы окончательно его естественный лидер, сплывающий исследователей, заражающий их инициативой фундаментальных работ, принимающий на себя, добровольно, самый тяжкий труд, лишенный персональных амбиций и отдающий приоритет общему делу.

Большие ожидания коллектив возлагал на собрание актива, назначенное на 13 сентября 1938 г. С докладом «Проблематика производственного плана на 1939 год» выступил М.И. Артамонов. Но его обсуждение было свернуто и лишилось остроты во многом усилиями председательствующего Орбели. Его многочисленные замечания и реплики (неверие в успех коллективных работ, отвержение активного исследования процессов этногенеза и др.) привели к тому, что собрание было ориентировано на какой-то разговор вообще, лишенный конкретности о действительных задачах института.

Неудовлетворенность сотрудников, завершающих работу над ответственным коллективным трудом «История СССР с древнейших времен» (1 том), проявилось в сознании опасности подобного положения для судьбы самого Института. В результате, выражая общее желание, председатель месткома В.А. Миханкова (в прошлом личный секретарь Н.Я. Марра и хранительница его наследия) вела переговоры с Орбели в присутствии М.И. Артамонова, предлагая определить какой день в октябре месяце для него наиболее удобен для выступления с основным профилирующим докладом перед коллективом Института. Орбели сам назвал 20 октября 1938 г. и определил время. Таким образом эта дата как бы отмечала начало второго года его заведования.

Собрался весь состав Института, и для него полной неожиданностью было сообщение Миханковой (она председательствовала на собра-

нии), что Орбели по ИИМКу оформил с 10 октября отпуск. Сам он находится в Эрмитаже в добром здравии, но в разговоре по телефону сообщил, что он на заседание не придет и вместо себя с докладом просит выступить М.И. Артамонова. Михаил Илларионович пояснил, что вечером ему звонил, обращаясь с той же самой просьбой, Орбели. Такая ситуация накалила всю атмосферу собрания до предела. Демонстрация Орбели столь откровенно барского пренебрежения вызвала бурный взрыв эмоций, придав всем выступлениям предельно драматический характер.

Отдельные фрагменты этих выступлений:

В.А. Миханкова «Силой обстоятельств М.И. исполняет три роли: зам.директора, самого директора, ученого секретаря. Поведение Орбели антиобщественное, об этом необходимо известить Президиум АН СССР».

М.В. Левченко — «Фактически обязанности директора постоянно выполняет М.И. Артамонов. Институт крайне нуждается в настоящем полноправном руководителе».

П.П. Ефименко, которому была свойственна крайняя сдержанность: «У Орбели нет ни малейшего интереса к работе ИИМКа, эффект его деятельности здесь равен нулю».

«Излишне эпически спокойным» (А.Ф.Добрынин) было, пожалуй, выступление самого М.И.Артамонова, откровенно рассказавшего о системе руководства в ответ на вопросы. «Мое общение с директором редко и эпизодично очень, в основном оно ограничивается телефоном и моими посещениями Эрмитажа. В начале я не принимал существенных решений, когда же убедился, что все это бесконечно откладывается до неопределенности, то был вынужден решения принимать, затем ставя о них в известность Орбели. Его реакция на сие была абсолютно безразличной».

Бурные, но общие по смыслу дебаты завершились решением: «Срочно поставить перед Президиумом АН СССР вопрос об обязательной замене директора ИИМКа». По существу, свершилось восстание коллектива против свыше «спущенного» директора. Оно никем не готовилось, никак не организовывалось, а было неизбежной, естественно человеческой реакцией людей науки на «фантастическое» (по выражению В.И. Равдоникаса) положение только что созданного Института. Резолюция, требующая немедленного смещения Орбели, была принята единогласно (при одном воздержавшемся — А.С.Гущине). Собрание не могло назвать своей кандидатуры нового руководителя. Она как бы разумелась общим ходом жизни Института в экстремальных условиях, но, наверное, с трудом верилось в возможность такого оптимального решения со стороны Президиума АН СССР.

Резолюция собрания ушла в Москву, в Отделение общественных наук АН СССР, возглавляемое академиком А.М. Дебориным. Проходи-

ли наполненные напряженным ожиданием недели. Отпуск у Орбели давно кончился, но он вообще прекратил всякое общение (даже телефонное) с Институтом, наверное, считая себя глубоко оскорбленным.

Вся эта критическая неопределённость вновь собрала весь коллектив на «Расширенное заседание актива, посвященное работе Института в 1938 году». Состоялось оно в самый канун Нового года — 30 декабря 1938 г. В основном обсуждение повторило сценарий октябрьского заседания. Только суждение сотрудников (особенно В.И.Равдоникаса, А.Ю.Якубовского и обычно интеллигентно невозмутимого Н.Н.Воронина) приобрели еще большую резкость, теперь уже передавая возмущение бездеятельностью аппарата АН СССР. Резолюция, в которой подчеркивалось повторность срочного обращения к руководству Отделения общественных наук Академии в критических, не терпящих промедления обстоятельствах, теперь была принята абсолютно единогласно (её справедливость признал и взявший слово А.С.Гущин).

И произошло нечто совершенно исключительное, может быть единственное во всей стране в эту пору кровавого апогея 30-х годов. Коллектив ученых категорически отверг решение высшей академической инстанции и совершенно однозначно оценил деятельность М.И. Артамонова как реального руководителя Института. Положение было предельно ясным, а монолитное единство сотрудников не оставляло место для смягчения атмосферы, лавирования и какого-то манёвра. Всё это вынудило руководство АН СССР, к тому же, несомненно, опасавшегося широкой огласки подобного «неповиновения», принять радикальное решение, по существу продиктованное волей коллектива ИИМКа.

Такого развития событий, наверное, никак не ожидал И.А. Орбели, создавший этот драматический узел. Его развязка была оформлена Постановлением Президиума АН СССР от 15 февраля 1939 г. Им Орбели, конечно, «по его ходатайству» освобожден от поста директора и такие обязанности временно возлагались на М.И. Артамонова. А 29 октября 1939 г. Общим собранием Академии Наук (Протокол №7) М.И. Артамонов был утвержден директором ИИМКа.

Так в годы расцвета тоталитаризма кандидат исторических наук, к тому же упрямо беспартийный, сменил академика с очень громким именем и широчайшей известностью.

Начинается удивительная по интенсивности, новизне, размаху, да и уровню, научная работа. В этом отношении предвоенные два с половиной года представляют некое подобие интеллектуального взрыва — феномен в истории ИИМКа. Сделано было невообразимо много в столь короткий срок, прежде всего благодаря таланту организатора и исследователя М.И. Артамонова, решительно жертвовавшего своими

персональными интересами (так например, он отказывается от продолжения очень важной для него экспедиционной работы по Саркелу, а равно и от отпусков). Институт выходит из тени забвения, представляя детальную программу и первые результаты работы (доклад М.И. Артамонова на Отделении Общественных наук 27 октября 1938 г., в котором целевая роль ИИМКа определялась задачей преодоления голого социологизма и приоритетом конкретно исторического знания). В 1939 г. появились его же принципиальные публикации в «Вестнике АН СССР», в «Вопросах древней истории», в ряде других изданий.

В течении одного года была завершена работа над двухтомником, (около 100 печатных листов), известного макета «История СССР с древнейших времен до средневековья». Показательно, что соавтором М.И. Артамонова в шести разделах макета был С.А. Жебелев — классик русского антиковедения, очень строго относящийся к своим коллегам. Это сотрудничество служит ясным свидетельством научного и нравственного авторитета М.И. Артамонова.

Двухтомник положил начало всем последующим фундаментальным обобщающим работам такого масштаба. В нем участвовало 35 ведущих авторов Ленинграда, Москвы, Кавказа. Орбели не только отказался участвовать в этом издании, но и был равнодушен к оценке отдельных разделов, написанных местными кавказоведами.

Подготовлен был первый том Истории русской культуры, велась большая и интенсивная работа над Историей первобытной культуры и Историей античной культуры. Учреждение стало ведущим центром страны в руководстве полными исследованиями, в их научном осмыслении и публикации. Учреждают как оперативное издание Краткие сообщения ИИМКа (с 1939 года до начала войны вышло 10 выпусков), основываются «Материалы и исследования по археологии СССР», как бы продолжающие дореволюционную серию «Материалы по археологии России» на новом, более высоком уровне. М.И. постоянно подчеркивал основной принцип — сначала материалы как источниковедческая опора, а потом исследования. До войны вышло шесть томов МИА, каждый из которых представлял событие в археологическом исследовании определенной проблемы или древнего региона. Все эти издания проходили тщательную научную редакцию М.И. Артамонова. В апреле 1940 г. М.И. Артамонов по неизбежным обстоятельствам вступает в партию. От месяца к месяцу все более ширились перспективы развития мощного научного центра отечественной археологии. Этот подъем был сорван начавшейся Великой Отечественной войной, на четвертый день которой, 25 июня 1941 г., М.И. Артамонов на Ученом Совете исторического факультета Ленинградского Университета защитил докторскую диссер-

тацию «Скифы. Очерки по древнейшей истории северного Причерноморья».

Уроки 1937 — 1939 годов в истории отечественной археологии исключительно значительны. К большому ущербу для науки во многом они забыты, а, вернее, изначально неведомы нашим современникам. Так забываются те исследовательские и, в не меньшей мере нравственные традиции, которые были незыблемыми для Михаила Илларионовича Артамонова и его коллег.

В реальной атмосфере самого кровавого периода сталинского террора (1936-1938 гг.) все происшедшее являло собой стихийный бунт единодушного коллектива против именитого начальства. Победный исход этой борьбы в условиях карательного утверждения казарменной дисциплины явился счастливой случайностью, открывшей широкий простор для масштабной новаторской деятельности только что созданного Института...

* * *

Если в интересах сравнения минувшего и нынешнего обратить внимание на нравственную атмосферу или, иначе, этику, доминирующую в атмосфере отдельных археологических коллективов, то следует с особым пиететом оценить духовность наших «дедов», во многом обусловившую их удивительную дееспособность. В продолжении этих традиций, несомненно, выделяется личность «неостепененного» 60-летнего Вадима Сергеевича Бочкарева, выдающимся научным достижениям которого посвящается этот юбилейный том. Он продолжает ли-

нию мужественного и бескорыстного служения науке как высшей ценности. Именно такая философия, неизменная на всем пути восхождения, составляет, в сущности, основу и форму его интеллектуального бытия. Ему совершенно чужды карьерные стремления, априорные установки и «бег за славой». Он предельно требователен к себе, не признавая никаких скидок по любому обстоятельству. Большой труд вкладывается им в каждую публикацию, следствием чего является идейно-фактическая ценность исследовательского опыта. Создав коллектив «бронзовиков» (зародыш перспективной школы), он подготовил несколько кандидатов исторических наук, оставаясь в этой группе по формальному индексу по-прежнему самым младшим чином.

В отношении исторической почвы, давшей науке отнюдь не стандартную личность В.С. Бочкарева, наверное, уместно отметить органичное созвучие его этики и заповедей М.И. Артамонова: вся деятельность юбиляра вполне отвечает девизу учителя — «Честность и смелость». Сам же В.С. Бочкарев продолжает эту важную линию наследования традиций, осуществляя на протяжении десятилетий преподавание на кафедре археологии Санкт-Петербургского университета и тем старицей «оплачивая» былую аспирантуру. В этой части показателен диагноз масштаба ученого, прочно установленный несколькими выпусками студентов кафедры.

В итоге не могу не сказать, что в моем восприятии посвящение юбилею В.С. Бочкарева уже второго представительного научного издания составляет своеобразную форму авторитетного признания его особых научных заслуг.